

УДК 94(575.2):340.141

**ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К СУДАМ БИЕВ
В ПЕРИОД “ВОЕННОГО КОММУНИЗМА” В КЫРГЫЗСТАНЕ В 1918–1921 ГГ.**

С.М. Слесарев

Раскрываются основные черты политики советской власти по отношению к судам биев в Кыргызстане в 1918–1921 гг.

Ключевые слова: “военный коммунизм”; суды биев; революционная законность; революционное правосознание; традиционное судопроизводство.

**ATTITUDE OF THE SOVIET AUTHORITIES TO THE COURTS OF BIYS
DURING THE “WAR COMMUNISM” IN KYRGYZSTAN FROM 1918 TO 1921**

S.M. Slesarev

The article describes the main features of the Soviet government policy to biys' courts in Kyrgyzstan in the years from 1918 to 1921.

Key words: “War Communism”; biys' courts; revolutionary legality; revolutionary legal conscience; traditional procedure.

Одним из краеугольных камней большевистской идеологии являлся тезис о том, что в социалистическом государстве все нормы морали и этики будут кардинально отличаться от норм “проклятого прошлого”. Не случайно с самых первых шагов новой власти стали вводиться такие понятия, как “революционная законность” и “революционное правосознание”, т. е. законность и правосознание рассматривались исключительно с классовых позиций, а проще говоря, исходя из конкретных тактических интересов партии большевиков.

Стоит отметить, что в отношении народов Центральной Азии проводилась довольно противоречивая политика: с одной стороны, народ освобождался от эксплуататоров, а с другой – должен был подвергнуться сверхускоренной модернизации, чего близко не было в Российской империи. Кроме того, надо учитывать, что массовый психоз, захлестнувший Россию в 1917–1918 гг. также способствовал политики реализации самых радикальных планов. Общая установка была следующая: все старое – это плохо, значит надо все строить по-новому.

При таком подходе, естественно, не было места многовековым традициям и укладам народов России. К тому же, по “пролетарской” идеологии бии безусловно являлись представителями эксплуататорской верхушки и тем самым изначально должны были подвергнуться репрессиям.

По декрету СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. нормы шариата и адата можно было применять “лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию” [1, с. 138].

По декрету СНК РСФСР о суде № 2 от 24 октября 1917 г. вопрос исковой давности решался следующим образом: гражданский суд мог отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностью или иного срока и присудить “явно справедливое требование” [2, л. 10].

23 июня 1918 г. вышла инструкция НКЮ РСФСР “Об организации и деятельности местных и народных судов”, по которой должны были быть организованы местные народные суды, областные советы местных народных судей, окружных судов, Туркестанского кассационного суда [3, с. 75–76]. Приказом СНК Туркестанской АССР от 6 мая 1919 г. был упразднен Туркестанский кассационный суд, а все дела были переданы в областные советы народных судей как в единую кассационную инстанцию. Советские народные суды при этом, в первую очередь, охватывали русскоязычное население края, в то время как для коренных национальностей “наряду с советскими законами народным судам разрешалось применять некоторые нормы шариата и адата” [4, с. 73]. Кроме этого на терри-

тории Туркестана продолжали функционировать и мировые судьи, ликвидированные уже в 1918 г. в европейской части РСФСР. Так, во всем Семиречье они действовали весь 1919 г. [5, л. 15], при этом сохранялся следующий штат: мировой судья, два народных представителя, секретарь, два писца, переводчик писем, рассыльный, которые получали 650–800 рублей в месяц, в то же время на разъезды по судебным делам, в данном случае в Пишпекском уезде, выдавалось всего лишь 600 рублей в месяц, что, конечно, было недостаточно [6, л. 12].

17 июня 1918 г. был упразднен Туркестанский военно-окружной суд, однако судебная палата и прокуратура при ней существовали до 1919 г. [7, с. 8]. В августе 1918 г. СНК Туркестанской республики издал декрет об упразднении религиозных, казийских и бийских судов и установления повсеместно советских судов. Такая “красногвардейская атака” на традиции и обычаи местного населения во многом способствовала росту басмаческого движения, да и вообще росту уголовных преступлений. Так, весной 1918 г. отмечалось, что в Пишпекском уезде грабежи и разбои приняли колоссальные размеры и что “дела об этом неподсудны всем судебным инстанциям, учрежденным Советом народных депутатов до настоящего времени” [8, л. 46].

Несмотря на то, что непродуманные действия советских органов по отношению к местному населению вызывали только рост сопротивления, тем не менее на VI съезде Советов Туркестанской республики был подвергнут резкой критике наркомост за медлительность в “революционном” преобразовании судебных органов [7, с. 8].

Несмотря на заявления большевиков, что их власть “народная”, именно этот народ и не спешил идти в советский суд. Так, народный суд 7 участка Верненского уезда в течение 1918 г. рассмотрел всего 10 дел, из которых 9 были о расторжении брака и 1 о наследстве, что являлось характерным явлением и для других народных судов [9, с. 109]. Другой характерной особенностью переходного периода являлся резкий рост барымты, с которой справиться никак не удавалось [10, с. 53]. Также стоит отметить, что в 1918–1919 гг. в Казахстане возникли “самочинно аксакальские суды” [11, с. 253], как это называли партийные работники.

В апреле 1919 г. в НКЮ Туркестанской республики прошло совещание, на котором единогласно было принято решение о замене судов казиев и биев единым советским народным судом [12, л. 57], но в то же время народный суд мог руководствоваться нормами шариата и адата, если они не противоречили непосредственно “пролетарскому

правосознанию и декретам Рабоче-Крестьянского правительства” [13, л. 8].

Несмотря на определенную “либеральность” приказа СНК Туркестанской АССР от 6 мая 1919 г., уже 17 июня 1919 г. выходит новое указание, в котором говорится, что “начиная с августа этого года необходимо приступить к постепенной замене существующих в республике мусульманских судов казиев и биев на единый народный суд, а с 1 июля 1919 г. запретить частную практику адвокатов ввиду образования коллегии правозаступников” [14, л. 39–39 об]. При этом на должности народных судей и следователей могли претендовать все желающие [14, л. 39], но которые должны были удовлетворять следующим условиям: 1) иметь право избирать и быть избранными в Совет рабочих и крестьянских депутатов; 2) иметь политический опыт работы в пролетарских секциях партии, профсоюзных комитетах и советских учреждениях; 3) иметь теоретическую и практическую подготовку для должности народного судьи [15, л. 40]. Из этих условий – первое было обязательным, а из последних – хотя бы одно. При таком подходе, естественно, в судебные органы попало большое количество абсолютно непригодных лиц как в плане образовательно-культурного уровня, так и с нравственно-этической стороны. В последующем подобная практика “привлечения кухарок и пастухов” к государственной службе будет ахиллесовой пятой для судебных учреждений Кыргызстана вплоть до конца 40-х – начала 50-х гг.

Наиболее ярко ситуацию в 1919 г. в Туркестане в условиях гражданской войны обрисовал известный советский деятель Т.Р. Рыскулов на VII Чрезвычайном съезде советов Туркестана по докладу юридической секции и Наркомюста в марте этого года. Он отмечал, что “комиссар юстиции не видит большой разницы между судами биев и казиев, хотя суд казиев можно скорее реорганизовать и подвести под нормы суда (советского. – С.С.), тогда как к суду биев приходится подходить осторожно” [16, т. 5, с. 5–6]. Однако тут же переходит в наступление именно против судов биев: “Сейчас бии во многих случаях не придерживаются даже норм обычного права. В последнее время бии судили главным образом для наживы <...> Во время правительства Керенского бии остались, хотя и были перевыборы, и в эти суды попали если и не те же бии, то их родственники и пошли опять по этой же линии <...> Кочевое население не так держится за старое и относится отрицательно к биям, и если будет распоряжение о том, что институт биев совершенно уничтожается, то это возмущения

не вызовет, а наоборот, население скажет спасибо. И еще лучше было бы, если бы биев совершенно изолировать от населения, это было бы еще лучше” [16, т. 5, с. 6]. Таким образом, выходец из кочевой среды демонстрирует полное непонимание сущности родовых отношений, когда считает, что судебную систему по адату можно ликвидировать путем издания соответствующего приказа. Хотя, конечно, Т.В. Рыскулов отлично понимал всю сложность проблемы, однако характерные шапкозакидательские настроения для первых лет советской власти не позволяли ему высказать сомнения в абсолютных возможностях “самой передовой партии и победивших эксплуатируемых масс”. На этом съезде было предложено в отношении казиев сделать их перевыборы и ввести коллегиальный суд, но при этом не касаться норм шариата, а также было предложено запретить биям и казиям избираться в новые советские суды [16, т. 5, с. 7]. Подобные шаги в условиях, когда войска Красной армии контролировали только крупные населенные пункты, а все кыргызы проживали за их пределами, эти решения были обречены на декларативность и, кроме того, никак не способствовали сближению советских органов с местным населением. Поэтому оставалось только продолжить критиковать традиционную судебную систему. Так, в августе 1919 г. Т.Р. Рыскулов продолжает свою “филиппику” – “старые бии (судьи) и аксакалы, пользуясь своим былым авторитетом, отправляют, за отсутствием советских судов, правосудие, сдирая взятку с обеих тяжущихся сторон, но судя в пользу той стороны, которая дала больше <...> Умышленные создания разводов ... отнимание и угон скота, избиения и т. п. – процветают среди кочевого киргизского населения” [16, т. 2, с. 242].

Для того времени было характерным выдавать желаемое за действительное. Так, в докладной записке нарсуды 1-го участка Ошского уезда от 23 августа 1919 г. говорилось, что “из сравнительно короткой практики суда все же ясно усматривается, что популярность народного суда среди мусульманского населения очень большая, оно охотно и с большим доверием идет в народный суд со своими нуждами и за правосудием, надеясь, что оно им здесь будет оказано. Например, в последние 3 месяца суд решил больше 10 бракоразводных мусульманских дел” [17, л. 5]. В отчете о работе Петропавловского уездного отдела управления за 1920 г. указывалось, что “казахи не ходят в районные народные суды из-за незнания русского языка и потому, что предпочитают решать дела по своим обычаям у аксакалов. В последнее время дела разбирают аксакалы и ревком” [9, с. 204]. Очень характерное соседство.

Одной из задач советской власти было “освобождение женщины Красного Востока”. Уже 28 декабря 1920 г. вышел запрет Казахского ЦИК и СНК Казахской АССР об отмене калыма, а 14 июня 1921 г. вышел подобный декрет и Туркестанского ЦИК, который пришлось повторять в 1923 г. ввиду его фактического неисполнения.

26 марта 1921 г. в Пишпекском уезде было создано бюро юстиции. На уездном съезде народных судей территория уезда была разделена на 16 участков. Затем состоялось распределение этих участков между судьями. Был избран председатель уездного бюро юстиции, на которого помимо административных обязанностей возлагалась также и должность народного судьи в исключительных случаях [18, л. 105]. 15 декабря 1921 г. вышло постановление СНК Туркестанской Республики, которое утвердило для кочевников новую форму судов – камеру народного суда, в частности в Пишпекском уезде были созданы три передвижные камеры [19, л. 228–229].

Однако в условиях начавшейся гражданской войны, когда в борьбе с белым движением стали опираться на неславянские народы (Кавказ, Средняя Азия, Казахстан), советские власти вынуждены были закрывать глаза на существующее судопроизводство у них по обычному праву. В Кыргызстане же ситуация сложилась таким образом, что в борьбе с казаками, а потом с русским крестьянством единственными союзниками Красной Армии являлись кыргызы, которыми, естественно, управляли манпы и баи. Кроме того, на юге, используя давние противоречия между узбеками и кыргызами, последние довольно активно сражались с узбекскими басмачами. Поэтому продолжали функционировать бийские суды, которые советские власти стали называть “аксакальские суды”, должность судьи в которых “наследственно переходила к потомкам “почетных лиц” – “аксакалов”, решавших дела всех категорий, вплоть до дел об убийстве” [20, л. 35].

Таким образом, к началу 1921 г. на территории, контролируемой большевиками, функционирование казийских и бийских судов было прекращено и сформировались две ветви советской судебной системы – ревтрибуналы и народные суды. При этом, естественно, в регионах, находящихся под контролем басмачей, судопроизводство совершалось на основе шариата и адата. Насколько советская власть не понимала основ жизненного уклада местных народов, свидетельствует телеграмма М.И. Калинина от 7 мая 1921 г., в которой приказывалось “органам суда запретить на местах выполнение религиозных обрядов” [21, с. 5].

В заключение можно сделать следующие выводы: во-первых, абсолютно не продуманные действия советской власти по отношению к судам биев стали одним из факторов роста басмаческого движения; во-вторых, в ходе гражданской войны в Туркестане большевики, вынужденные опираться на местные народы, с конца 1919 г. стали “закрывать глаза” на судопроизводство по нормам обычного права, справедливо считая, что после победы можно будет полностью пересмотреть этот вопрос.

Литература

1. История советского государства и права Узбекистана. Т. 1 (1917–1924 гг.). Ташкент, 1960.
2. ЦГА РУз. Ф. 3–33. Оп. 1 Д. 3.
3. *Ганиева Т.И.* Судебная власть в Кыргызской Республике: понятие, сущность, генезис развития, организационно-правовые основы и принципы осуществления (1864–2002) / Т.И. Ганиева. Бишкек, 2004.
4. *Типеров А.В.* История становления советского суда в Кыргызстане (1917–1924 гг.) / А.В. Типеров // Вестник КРСУ. 2013. № 9.
5. Циркуляр Семиреченского областного отдела юстиции при Облесполкоме г. Верный 1 июня 1919 г. всем местным мировым народным судам // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 27.
6. Смета на 1919 г. мировому народному судье по Пишпекскому уезду // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 27.
7. *Исманов Т.К.* Становление Советского правосудия в Кыргызстане и использование местных бийских судов в первые годы Советской власти / Т.К. Исманов // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 10.
8. Протокол общего собрания Пишпекского угоркома РКП (б) 25.04.18 г. // ЦГА КР. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2.
9. История государства и права Советского Казахстана. Т. 1 (1917–1925 гг.). Алма-Ата, 1961.
10. *Шаламов Н.* Судебное устройство Казахстана / Н. Шаламов. М., 1991.
11. *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов / Т.М. Культелеев. Алма-Ата, 1955.
12. ЦГА РУз. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 31.
13. ЦГА РУз. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 15.
14. Приказ СНК Туркестанской Республики № 66 от 17 июня 1919 г. // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 27.
15. Порядок избрания народных судей и заседателей в Туркестанской АССР // ЦГА КР. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 27.
16. *Рыскулов Т.Р.* Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 2, 5 / Т.Р. Рыскулов. Алматы, 2007.
17. ЦГА РУз. Ф. Р-38. Оп. 2. Д. 587.
18. ЦГА КР. Ф. 89. Оп. 1. Д. 143.
19. Постановление СНК Туркестанской Республики от 15 декабря 1921 г. № 279 // ЦГА РУз. Ф. 38. Оп. 2. Д. 269.
20. ЦАОР. Ф. 130. Оп. 60. Д. 1038.
21. *Борубашов Б.И.* Деятельность местных судов по применению обычного права кыргызов в первые годы советской власти / Б.И. Борубашов, Т.К. Исманов // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 6.